

Он изначально планировал рассказать о том, как его шурина подсыпал яд в его лекарство, но, увидев, как тяжело отец Лян воспринимает всё происходящее, решил пока промолчать. В конце концов, теперь он и И-гэ были начеку и не давали шурину шанса.

После того как Лян Каншэн ушел, отец Лян с каменным лицом бродил по винокурне. Он вспомнил все поступки и слова своего шурина за последние годы и заметил, что за последний год-два тот стал относиться к их семье с возрастающим раздражением, а в его взгляде иногда мелькала непонятная злоба.

Раньше он не обращал на это внимания, но теперь, вспоминая, отец Лян почувствовал тревогу. Он не понимал, что случилось, почему шурина испытывает недовольство их семьей, хотя они так заботились о нем... Заботились!

Отец Лян остановился, почувствовав, что, возможно, нашел ключ к разгадке. Он горько усмехнулся: оказывается, слишком много заботы может вызвать у того, кого опекают, чувство обузы и раздражения.

Размышляя, взгляд отца Ляна постепенно становился холоднее. Сейчас, когда шурина не было рядом, говорить что-либо было бесполезно. Лучше дождаться его возвращения после продажи вина.

После того как отец Лян успокоился, Лян Каншэн продолжил с ним объезжать деревни для закупки зерна. Вернувшись, оба молчаливо решили не сообщать госпоже Чжуан о возможных проблемах с Чжуан Цинцзэ.

Отец Лян считал, что ситуация еще не до конца ясна, а Лян Каншэн боялся, что мать может проявить мягкость, поскольку Чжуан Цинцзэ был ее братом. Поэтому лучше было не говорить ей.

Так прошло еще несколько дней, и наконец отец с сыном прибыли в деревню Цюйцзя для закупки зерна.

Если бы не свадьба Цюй И с семьей Лян, их приезд был бы обычным делом. Однако в этом году ситуация немного изменилась: помимо Цюй И, зерно, собранное семьей Цюй, оказалось хуже, чем в предыдущие годы.

Деревню Цюйцзя отец Лян выбирал лично, и тогда он исключил зерно семьи Цюй из списка. Их урожай был плохим, а когда он приехал, старуха Цюй постоянно создавала проблемы, что чуть не сорвало закупку зерна в деревне.

За долгие годы закупок зерна окружающие деревни уже знали привычки семьи Лян. Кроме того, Лян Мао и Лян Додао заранее сообщили о визите, поэтому староста Цюй уже организовал доставку зерна на пустырь, а сам вышел встречать их у въезда в деревню.

Увидев приближающуюся повозку семьи Лян, староста Цюй вежливо поприветствовал их:

— Господин Лян, молодой господин Лян, те, кого вы просили, уже вынесли свое зерно. Проверьте, пожалуйста.

Долгое сотрудничество сделало отца Ляна вежливым с деревенскими старостами:

— Хорошо, прошу вас, староста Цюй, указать путь.

Семья Лян заранее сообщила, у кого и сколько зерна они собираются закупить. Теперь все собрались, чтобы проверить качество зерна, взвесить его, заплатить и забрать.

За долгие годы семья Лян заслужила репутацию честных партнеров, которые не обманывают, поэтому крестьяне, продававшие им зерно, тоже не хитрили, предоставляя лучшее зерно, даже лучше того, что сдавали в качестве налога.

Ведь налог в основном зависел от веса, и если зерно не было совсем плохим, его принимали. А продажа хорошего зерна семье Лян приносила больше серебра, чем продажа перекупщикам.

Лян Каншэн уже закупил рис у многих семей и с легкостью проверял его качество. Он предварительно осматривал зерно, а отец Лян проводил повторную проверку. Лян Мао и Лян Доао ждали, чтобы взвесить зерно и заплатить, после чего ученики и работники винокурни грузили его на повозку. Таким образом, сделка завершалась.

Когда проверка зерна была на половине, внезапно появилась разгневанная старуха Цюй. Ее недовольный крик раздался еще до того, как она подошла:

— Староста, что это значит? Почему вы не сообщили нам, что сегодня семья Лян придет за зерном?

Перед внушительным старостой Цюй старуха не решалась ругаться, и такой крик был пределом ее возможностей. Ведь староста был не только главой деревни, но и их клановым старейшиной, которого нельзя было просто так оскорблять.

Староста Цюй уже давно раздражался из-за выходок старухи Цюй. Увидев, что она снова пытается устроить скандал, он остановил ее у мешков с зерном и холодно спросил:

— Почему не сообщили? Ты сама не понимаешь?

— Наше зерно семья Лян закупала каждый год, нет причин, чтобы в этом году они его не взяли! — Старуха Цюй говорила с уверенностью, ей было все равно на остальное, она просто не хотела отступать от привычного порядка.

Увидев отца Ляна и Лян Каншэна, она громко закричала:

— Родня, зять, не стесняйтесь из-за того, что женились на Цюй И. Если заплатите серебром, я продам кому угодно. Мы же родня, должны помогать друг другу.

Если не продать излишки зерна семье Лян, то позже перекупщики заплатят намного меньше, и старуха Цюй не хотела терпеть такие убытки. В этом году урожай был и так небольшим, и она уже не могла спать спокойно.

— Семья Лян закупает зерно для винокурни. А ваше зерно, Цюй, сухое и тусклое, как его можно взять? Не позорьтесь. — Лицо старосты Цюй потемнело. — Шестая ветвь, если ты продолжишь скандалить, я позову шестого брата.

Старик Цюй и его семья были шестой ветвью в родословной клана Цюй. Староста обычно называл их по имени, но в гневе использовал родословные порядковые номера.

— Староста! Старейшина! Какое это scandale? — Старуха Цюй была недовольна. Она считала, что для винокурни и так достаточно зерна, зачем нужно лучшее? Просто глупость!

Ее глаза забегали, и она, игнорируя старосту Цюй, продолжила обращаться к отцу Ляну и Лян Каншэну:

— Родня, наше зерно было выращено с заботой Даню и Эрню, оно не такое плохое, как говорит староста. Родня, вы сами увидите.

Неоднократное игнорирование слов старосты Цюй вызвало у него раздражение, и его тон стал еще жестче:

— Шестая ветвь! Ты сама говорила, что те, кто взял твои деньги, плохо работали на твоих полях. Я уже распорядился, чтобы они вернули половину денег. Что тебе еще нужно?

— Что мне еще нужно? — Старуха Цюй закричала. Она вдруг широко раскрыла глаза и указала на отца Ляна и Лян Каншэна. — Я чувствовала, что что-то не так, оказывается, тут и кроется причина!

До встречи с отцом Ляном и Лян Каншэном старуха Цюй не думала об этом, но теперь, увидев их, она вдруг поняла: может, семья Лян намеренно заставила Даню и Эрню работать у них, чтобы их поля остались без ухода, что привело к плохому урожаю, и таким образом они мстят семье Цюй?

Старуха Цюй разыграла воображение, и чем больше она думала, тем больше убеждалась в своей правоте. Иначе почему семья Лян, которая всегда закупала их зерно, вдруг перестала это делать?

Отец Лян смотрел на старуху Цюй, которая прыгала и кричала, и был полон недоумения. Что они такого сделали? Просто не закупили их зерно.

Лян Каншэн, в отличие от отца, лучше понимал старуху Цюй. Он несколько раз обдумал ситуацию и постепенно понял ее мысли.

Честно говоря, у Лян Каншэна и Цюй И действительно были подобные мысли, когда они решили заставить дядю и тетю работать у них. Но это было второстепенно, главной целью было попытаться изменить их характер.

— Шестая ветвь! — Староста Цюй был в ярости, его виски пульсировали. Он ударил своим скорее декоративным, чем практичным посохом по земле. — Ты целый день обвиняешь то одного, то другого, а саму себя ты не винишь?

— Это семья Лян запретила тебе поливать, пропалывать и ловить вредителей на полях, или деревенские действительно взяли твои деньги и плохо работали?

Староста Цюй все больше раздражался из-за скандальности старухи Цюй. Раньше она была более сдержанной, просто проявляла предвзятость к пятой ветви в своей семье, а другие ветви молчали, и скандалы не возникали. Но за последний год, после различных событий в семье Цюй, она стала как кузнечик осенью, прыгая повсюду!

Он знал, что семья Лян предлагала Цюй Даню и Цюй Эрню возвращаться домой каждые несколько дней, чтобы работать на полях. Но старуха Цюй прогнала их, сказав, что наняла других для работы на их полях.

Если бы она действительно заплатила людям полную сумму, деревенские не стали бы так халтурить. В конце концов, они жили в одной деревне, виделись каждый день, и не хотели

портить отношения. Да и поливка для семей с большим количеством мужчин не была особо тяжелой работой.

Авторское примечание: [Смайлик]

<http://bllate.org/book/16698/1533819>